

Аксель Гюльденстиерне

Путешествие его княжеской светлости герцога Ганса Шлезвиг-Голштинского в Россию в 1602 г.

История болезни

Фрагмент. – Ход и печальный итог болезни датского принца, жениха Аксиньи (дочери царя Годунова). Ганс отправился из Дании 22 августа по морю, через Нарву, Новгород... Прибыл в Тушино 18 сентября. В Московии и в её столице уже повсюду свирепствовал голод.

[17.45]

В этот день, т. е. 15-го Октября, герцог Ганс заболел...

19-го Октября утром в 9 часов к герцогу Гансу с Симеоном Микитичем (*дядька Годунова, начальник Тайного и Пыточного Приказов – Прим. ред.*) явилось пятеро царских докторов медицины, а именно: доктор Каспер Фидлер из Кенигсберга, доктор Иоганн Хилькен из Риги, доктор Генрих Шрейдер из Любека, доктор Давид Васмар из Любека и доктор Христофор Рейтлингер, уроженец страны Венгрии. [Доктора эти] приготовили (вместе с собственным доктором моего господина) некое лекарство для герцога Ганса...

...он (*Годунов*) прислал этих своих докторов, чтобы определить болезнь герцога. (В это самое утро царь приказал собрать у ворот Кремля по крайней мере с тысячу бедняков, каковые все получили милостыню, причём у ворот Кремля был такой шум и крик, что слышно было на нашем подворье, и мы могли предположить только, что это пожар)...

Но когда от моего господина он (*Симеон Микитич*) отправился к означенным докторам, которые в то время ушли в аптеку готовить некое лекарство для герцога Ганса, то он велел запретить им приходить к моему господину, сколько б за ними не посылали, — прежде чем они не получат приказания от самого Симеона Микитича.

В этот же день 22-го Октября от 4-х часов пополудни до 11-ти ночи ни мы, ни доктора, ни фельдшер не имели более надежды на [сохранение] жизни герцога Ганса, ибо его ноги и ступни, кисти рук и руки были холодны как лед; к тому же он бредил и, лёжа, все будто срывал что-то вокруг себя. И хотя мы семь раз посылали за вышеупомянутыми докторами, они все же не посмели придти, пока послы не послали за ними самого Генриха Вульфа.

23-го Октября. В этот день в 9 часов утра по приказанию царя пришел к герцогу Симеон Микитич узнать о его здоровье. В то время герцогу было гораздо лучше, нежели в прошедшие вечер и ночь. Тут послы сказали ему, что он нехорошо сделал, запретив

докторам приходиться к герцогу Гансу, каковое он стал тогда отрицать, но доктора подтвердили ему это в глаза. Когда он вышел от герцога, он просил послов усердно ухаживать за герцогом Гансом, развлекать его и болтать с ним, чтобы он выздоровел.

1602 г. 24-го Октября. В этот день все доктора решили поставить моему господину промывательное, что и исполнили...

27-го Октября его царское величество сам был на подворье у моего господина. Несмотря на то, что никто из побывавших у больного не смеет в течение трёх дней являться пред очи Царя, — и даже [не смеет явиться пред царём] побывавший на подворье, где есть больной или покойник, если не прошло трёх дней после его выноса — так боятся русские болезней, — несмотря на это, в этот день царь сам приехал к моему господину посетить его в болезни, и как он нашёл Герцога очень больным и слабым, то стал горько плакать...

Затем царь сказал послам и всем лицам, стоящим кругом: «охраняли ли вы его от (сквозного) ветра?». Они отвечали ему, что охраняли.

Затем царь встал, вышел в другую комнату и, севши там, разругал своих докторов, грозя им, что если герцог Ганс умрет, то им придется плохо, а что Клауса-толмача он посадит на кол. Доктора оправдывались, говоря, что приложили все свое старание при лечении герцога Ганса, как будут в том отвечать перед Богом. Затем царь встал, вышел, спустился к своим саням и поехал во дворец.

Nota.

Как только он вошёл на подворье, находившийся при нём духовник его, высокого роста, жирный, старый священник, шедший впереди его с большим коричневым стеклянным сосудом, наполненным святою водой, [стал] кропить святою водой перед ним по двору, по всем лестницам и во всех горницах и покоях, чрез которые проходил царь, кропил сперва на порог, потом за дверь, а там на самого царя, и это во всякой двери, чрез которую царь проходил; то же было и в комнате герцога Ганса.

Когда царь шёл обратно к своим саням, он делал то же, ибо в этот день на нашем подворье умер Кориан Левенцо. Войдя в комнату герцога Ганса, царь подошёл к кровати и сел на золоченый походный стул, на парчовую подушку, которую несли с ним.

28-го Октября в день св. Симона Иуды царь посылал к герцогу гонца за гонцом (из числа своих бояр), по два, по три и по четыре зараз, узнать, не лучше ли ему, но уже его светлость был очень слаб, лежал себе и бредил (*дословно «фантазировал»*) и не мог собраться с мыслями, чтобы дать понятный ответ, из коего можно было бы что-нибудь понять...

В ночь накануне смерти он (*Ганс*) сказал своему камер-юнкеру Руперту Анструту: «быть может, Бог не хочет оставить меня среди этого нехристианского народа, дабы я не был совращен в их несправедливую веру»

Около трёх часов по полудни к герцогу Гансу снова приехал сам царь, и когда он въезжал в санях в ворота, духовник его шёл перед ним с коричневую каменной чашей в руках, наполненной святою водою и кропил ею землю, мостовую, все лестницы, и во всякой двери, в которую он входил и из которой он выходил; когда же царь входил в комнату моего господина, духовник стал перед ним и покропил сначала порог, потом пол перед дверью, затем самого царя.

Затем царь подошёл к кровати герцога и сел на тот же золоченый походный стул, как описано выше. Посидев немного и посмотрев на герцога Ганса, он начал говорить послам, стоявшим у постели, что вчера герцог Ганс имел лучший вид, чем сегодня.

Они отвечали, что это вследствие того, что его княжеская светлость ничего сегодня не ел и не спал; к тому же, с тех пор как вчера царь был у него, болезнь сравнительно с прежним усилилась (что было справедливо).

«Да», сказал царь, «я [сам] это вижу».

«Бог делает это за наши грехи, и да будет воля Его». Затем он (*Годунов*) сказал: «я велел раздать много-много милостыни, без счета». — И в самом деле, каждое утро, во всё время, пока длилась болезнь герцога Ганса, более чем трём тысячам бедняков у ворот Кремля роздано было невероятное количество милостыни. Равным образом всем немцам в немецком городе, называемом Слободою, царь велел раздать по три рубля каждому, что приблизительно равняется восьми талерам, и сверх того каждому по три четверти ржи...

По царскому приказанию послано было за тещею доктора Давида (знахаркою) с тем, чтобы она пришла к герцогу и вылечила его, но она отвечала, что умеет лечить только женские болезни, в мужских же несведуща и лечить их не умеет.

Послали также за сестрою Клауса-толмача (тоже знахаркой), — но и она не пришла.

От царских докторов мы равным образом узнали, что накануне царь посылал за одним татаринном, которого русские почитают за святого, с тем, чтобы он вылечил герцога Ганса. Рассказывали, что (этот татарин) многих вылечил — как татарских царей, так и простых русских; но гонец — как говорили русские — послан был слишком поздно, ибо вечером в половине седьмого всемогущий Бог призвал герцога Ганса в вечное Свое царствие, да дарует Он ему радостное воскресение.

В ту ночь (*на 29 октября*) как герцог Ганс умер, был ужасный звон во все колокола в Кремле, в Иерусалиме (*т. е. в церкви Василия Блаженного*) и по всем монастырям и церквам в Москве; длился он всю ночь до половины 12-го следующего дня...

Когда его бальзамировали, его грудь до самого подбородка была ужасно вздута, как большая подушка, причём [тело] от подбородка до пупка и ниже на ногах было ужасно темно-сине-бурого [цвета], впрочем не так сильно на ногах, как на [остальном] теле, так что доктора, фельдшера и все мы чрезвычайно тому дивились.